

© 2021 г.

НРАВСТВЕННОСТЬ, МОРАЛЬ, ЭТИКА: ЧТО ПРОИСХОДИТ В ТЕОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ? (круглый стол)

Участники: ДЕВЯТКО Инна Феликсовна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой анализа социальных институтов НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института социологии РАН (deviatko@gmail.com); КАТЕРНЫЙ Илья Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии МГИМО МИД РФ, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (yarkus@mail.ru); КИРИЛИНА Татьяна Юрьевна – доктор социологических наук, заведующая кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин Технологического университета им. А.А. Леонова; профессор кафедры социологии Российского государственного социального университета (kirilina_t@rambler.ru); ПЕРОВ Вадим Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой этики Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (vadimperov@gmail.com); СЕМЕНОВ Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (eugen.semenov@inbox.ru); СОКОЛОВ Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (vl-sokol@yandex.ru); ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – член-корреспондент РАН, и.о. директора Института социологии ФНИСЦ РАН; зав. кафедрой Государственного академического университета гуманитарных наук (mfche@yandex.ru). Все, кроме Перова В.Ю., – Москва, Россия.

Аннотация. Проблемы нравственности, морали и этики издревле были в фокусе внимания социальной науки. Актуализация изучения этических проблем вызвана стремительными изменениями мира. Журнал «Социологические исследования» инициировал проведение круглого стола, пригласив к их обсуждению ведущих исследователей этих проблем во всем их противоречивом, а иногда парадоксальном развитии во всех сферах общественной жизни – в труде, политике, социальных отношениях, в культуре и науке. Эксперты сформулировали свои представления о сущности происходящих изменений и предложения, имеющие не только научный, но и прикладной (управленческий) характер. Особый интерес представляют попытки ответить на следующие вопросы: Кто определяет моральное лицо (нравственность) современного общества? Появились ли новые понятия или происходит трансформация старых? Есть ли субъект нравственной культуры? Какие новые проблемы морали обострились в современном мире и современном российском обществе? С какими этическими проблемами сталкиваются ученые? Полагаем, что обсуждение предлагаемых вопросов – это шаг на пути к осмыслению новых феноменов, уточнению позиций и понятий.

Ключевые слова: мораль • нравственность • справедливость • ценность • общество • власть • цифровая реальность • этика

DOI: 10.31857/S013216250014275-5

Наряду с традиционными категориями, которыми оперируют исследователи при изучении проблем морали (нравственности), появились ли понятия, обозначающие новые феномены в данной области? Чем это обусловлено и насколько оправдано?

Девятко И.Ф. Социология морали – быстро развивающаяся область, в которой реализуется намеченная еще Э. Дюркгеймом перспектива исследования сферы морально релевантного методами эмпирических наук о поведении. Данная исследовательская перспектива не отлична от того, что Дюркгейм именовал «этикой философов», она, скорее, дополняет последнюю. Появляются термины, описывающие новые феномены морали и

иных нормативных систем – профессионального этиоса, религиозной этики, права – например, морализация, моральное типажирование (*moral typcasting*), моральная ответственность корпоративных, институциональных или даже искусственных акторов, машинная/алгоритмическая этика, – но и происходит постоянное уточнение или даже реконцептуализация ранее использовавшихся понятий (моральная ответственность, моральные основания, моральная идентичность, агентность и т.п.). Нередко то, что на первый взгляд кажется новой категорией или новым феноменом, в результате более точной концептуализации и включения в более широкий теоретический контекст становится не только более понятным, но и менее новым.

Приведу лишь два тесно взаимосвязанных примера явлений и соответствующих понятий, имеющих в последнее время широкое хождение не только в научных дискуссиях, но и в публичном дискурсе. Первый – «новая этика», термин, популярный пока преимущественно в политико-идеологических публичных дебатах и в документах, описывающих корпоративный этиос. «Новая этика» может быть концептуализирована как тенденция к тотальной морализации, абсолютистской нормативной оценке, нередко предполагающей не только символические, но и вполне экономические или даже правовые ретрибутивные санкции, даже применительно к тем социальным феноменам, которые в силу своей игровой и перформативной природы исходно подразумевают использование механизмов спонтанного смыслопорождения, символической трансгрессии и постоянных переходов от порядка реального к порядку воображаемого. Примерами таких явлений могут быть флирт или импровизационный юмор (например, стендап), которые основаны на использовании описанных механизмов по определению, и поэтому обычно не предполагают постоянного морального мониторинга и жестких санкций, помимо такой, например, традиционной реакции публики на эксцессы неуместного юмора, как ситуативное выражение неодобрения или отвращения. Однако и неудачные шутки, и неуместные ухаживания все чаще ретроспективно становятся объектом коллективных жалоб и юридических исков.

В целом морализация может быть описана как феномен реинтерпретации в терминах моральной оценки, то есть вынесения обыденных суждений об ответственности, вине, правах, применительно к тем видам преимущественно непреднамеренного предполагаемого морального и материального ущерба, которые по умолчанию не классифицируются (или не классифицировались ранее) как ведущие к моральной или правовой общественной реакции. Рефлексивное, сознательное оценивание такого ущерба как результата виновного действия в рамках поддерживающей вынесение моральных и правовых суждений познавательной «системы-2»¹ затруднительно, поскольку зачастую не выполняются такие минимальные критерии приписывания ответственности, как наличие интенции и возможностей контроля у предполагаемого нарушителя, а иногда отсутствует и возможность указать на индивидуального актора, являющегося «автором» трансгрессии. Однако акцентирование (а иногда и гиперболизация) причиненного вреда, обычно описываемого в терминах негативных эмоций и неблагоприятных психологических последствий, а также идентификация ставшего реципиентом этого вреда пострадавшего (*patient*) ведут в этом случае к дополняющему интуитивную оценку ущерба третьими лицами автоматическому приписыванию вины предполагаемому агенту, которая осуществляется неосознаваемой и основанной на ассоциативных и аффективных механизмах «системой-1». Данный эффект прямого влияния воспринимаемого ущерба на интуитивные суждения о вине и ответственности описывается некоторыми информационными моделями вынесения обыденных моральных суждений². Интересно отметить, что такой «обходной путь» к инициированию широкой социетальной реакции на предполагаемую нормативную трансгрессию в подобных случаях обычно ведет не столько к требованиям признания или восстановления достоинства жертвы и

¹ См., напр.: *Evans J.St.B.T., Stanovich K.E. Dual-Process Theories of Higher Cognition: Advancing the Debate // Perspectives on Psychological Science. 2013. Vol. 8. No. 3. P. 223–241.*

² *Schein C., Gray K. The Theory of Dyadic Morality: Reinventing Moral Judgment by Redefining Harm // Personality and Social Psychology Review. 2018. Vol. 22. No. 1. P. 32–70.*

морального осуждения обидчиков и нанесенной обиды как таковой, сколько к требованиям ретрибутивной справедливости, материальной компенсации и т.п.

В качестве второго примера, связанного с первым, отметим, что распространение тенденции к морализации получило отражение и некоторую «вторичную инструментализацию» в рамках популярного направления в критических исследованиях культуры и постмодернистских исследованиях идентичности, именуемого его критиками «исследованиями обид» (grievance studies). Критики этого направления обосновывают и демонстрируют с помощью небольших публикационных экспериментов его выходящий за пределы нормальной науки характер³. Подчеркнем, что «исследования обид» не только поддерживают описанные выше тенденции морализации, участвуя в создании все более широкой «феноменологии обид», но и легитимируют собственную исследовательскую область как имеющую не только научную, но и общественную значимость.

Черныш М.Ф. Мне тоже представляется, что речь может идти не о совсем новых категориях, поскольку таковых найдется немного, а о реструктурировании морального дискурса, в расстановке иных акцентов. На фоне глубочайшего неравенства современного российского общества неудивительно, что в центре общественной дискуссии постоянно фигурируют темы социальной несправедливости в описаниях текущей ситуации и справедливости как желательного состояния общества, к которому следует стремиться. Сторонники существующего социального устройства регулярно и намеренно искажают эту идею: якобы те, кто желает справедливости, на самом деле хотят «отнять и поделить», а поскольку «мы это уже проходили», смысла в муссировании данной темы нет. На самом деле тема справедливости в том виде, в котором она представлена в российской полемике, – не об этом, а о воздаянии и истинной стоимости. Воздаяние рассматривается не «технически» в рамках теории игр, а именно как моральное действие. Преступник должен быть наказан, вор должен сидеть в тюрьме, рабочий получать достойную зарплату, а художник – вознаграждение, соразмерное таланту и мастерству. Если в обменах «стоимости» не равны, если благодаря властным ресурсам накапливаются огромные состояния, а пенсионеры после долгих лет труда пребывают на грани выживания, это – несправедливость, и ситуация должна быть исправлена. Примерно так расставляются акценты в современном общественном сознании. *Общество может стать моральным только в том случае, если будет справедливым, если справедливость станет руководящим принципом действия власти в любой ее форме.*

Российское общество открыто всем ветрам, как западным, так и восточным. Поэтому не случайно в российском дискурсе морали сильнее стала звучать тема меньшинств и их прав. На российской почве она несколько видоизменяется: в категорию меньшинств, имеющих особые права, входят иные группы, чем на Западе. В России, к примеру, делается более сильный акцент на правах, нередко нарушаемых, детей-сирот, манипулировании, часто циничном, бедами детей, находящихся в неблагополучной ситуации. В рассуждениях о морали социальные акценты расставляются таким образом, чтобы подчеркнуть обездоленность, оставленность, одиночество людей в преклонном возрасте. Их совсем немало, но как утверждал в книге «Восстание меньшинств» Л.Г. Ионин, «меньшинством» в наше время может стать и многочисленная группа, например женщины, подвергаемые домашнему насилию, а иногда и просто женщины, по определению уязвимые патриархальными культурными стереотипами.

Соколов В.М. Согласен, что вряд ли можно заявлять о новых терминах, характеризующих моральные коллизии. На мой взгляд, точнее и правильнее говорить об изменении значимости уже существующих понятий. В частности, в наше время значительно возрос «общественный вес» таких нравственных понятий, как «справедливость», «гражданская

³ Pluckrose H., Lindsay J.A., Boghossian P. Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship // *Areo*. 2018. October 2. URL: <https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship/> (дата обращения: 21.11.2020).

активность», дилемма «коллективизм-индивидуализм», «эскапизм», «добродота» и др. Именно эти и некоторые другие моральные феномены становятся определяющими в характеристике современного российского общества. Они в наибольшей степени интересуют меня как исследователя моральной сферы. Наибольшее значение в шкале ценностей россиян занимает в настоящее время «социальная справедливость». Именно она определяет и стабильность общества, и общественные взрывы. В нашей стране сегодня маловероятны демонстрации, протесты, вызванные сугубо материальными условиями жизни («пустые кастрюли»), но во все большей степени – несправедливость распределения общественных богатств, правовая несправедливость и др.

Перов В.Ю.⁴ Проблема появления новых понятий в этике имеет несколько возможных ракурсов: во-первых, это содержательное изменение традиционных этических понятий, которое придает им новый смысл; во-вторых, это изменение сферы нравственности в результате социально-исторического развития, что приводит к возникновению новых проблем, которые становятся предметом этического изучения. В этом случае можно наблюдать заимствование понятий из других областей и придание им этического смысла. В-третьих, это появление собственно этических терминов, то есть понятий, которые позволяют лучшим образом изучать какие-то нравственные процессы или явления.

Кратко прокомментировать эти варианты можно следующим образом. Этические понятия возникают в этических концепциях под влиянием определенного социально-исторического контекста, выражая характерные для него моральные явления. Будучи даже в качестве теоретических понятий частью общественного морального сознания, они разделяют такую особенность морального сознания, как наличие универсальных формулировок («для всех времен и народов») и конкретность содержания. Например, содержание понятия справедливость существенным образом зависит от исторического типа общества, от сферы применения (юридическая, политическая, социальная и т.д.), от особенностей распределяемых благ и т.д. Кроме того, в ходе исторического развития происходит качественное переосмысление устоявшихся понятий. Наиболее ярким примером может быть предложенное Г. Йонасом в конце XX в. понимание этики ответственности. В работе «Принцип ответственности: опыт этики для технологической цивилизации» он предложил идею перспективной предупреждающей ответственности, которая должна дополнить традиционную ретроспективную реактивную ответственность. Сегодня именно основанные на понятии ответственности Г. Йонаса варианты активно используются не только в теории, но и в практиках экологической этики, корпоративной социальной ответственности и политиках устойчивого развития.

К примерам расширения сферы нравственности можно отнести упомянутую экологическую этику, возникшую во второй половине XX в. и обогатившуюся рядом междисциплинарных понятий (биоцентризм, биоразнообразие и т.д.). Другой пример: такое явление как «цифровая экономика» породило социальные проблемы «цифрового разрыва» и привело к заимствованию данного понятия соответствующими областями прикладных и профессиональных этик.

Появление принципиально новых собственно этических понятий является самым редким из рассматриваемых вариантов. К наиболее известным, возникшим в этике второй половины XX в., относится информированное согласие. Сегодня оно преодолело рамки врачебной этики и этики медицинских исследований, а его варианты стали неотъемлемой частью подавляющего большинства социальных наук, включая социологические исследования. Стоит упомянуть и о совсем новом понятии *integrity*, которое призвано обеспечить комплексный и междисциплинарный подход к профессиональным и корпоративным этикам. К сожалению, оно не имеет прямых аналогов в русском языке, а часто встречающиеся переводы – честность, целостность и т.д. – не в полной мере отражают его

---

⁴ Материалы выступления В.Ю. Перова подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00234.

содержание. Наиболее близким по смыслу словоупотреблением может считаться «цельная личность», но понятие *integrity* сегодня не ограничивается характеристикой совокупности личных качеств, оно входит в перечень наиболее важных этических принципов подавляющего большинства современных профессиональных и корпоративных этических кодексов, вызывая многочисленные дискуссии по вопросам его теоретического содержания и практического применения. Подчеркну, что далеко не всегда понятия, которые обозначают этически значимые явления, обязательно являются именно этическими понятиями, то есть входят в понятийно-категориальный аппарат этики. Например, морально одобряемая (при прочих равных условиях) волонтерская/добровольческая деятельность имеет существенное моральное содержание и может быть предметом этических исследований, но это не означает, что волонтерство или добровольчество – это именно этические понятия. Перечень подобных примеров можно продолжить, но в каждом случае требуется специальное рассмотрение, иначе может получиться неоправданное и опасное расширение сферы нравственности.

Кирилина Т.Ю. Наиболее важным в современной социологии морали является понятие нравственной социализации. Нравственная социализация молодежи – это сложный, многоступенчатый процесс усвоения молодыми людьми системы моральных знаний, ценностей, норм и образцов поведения, позволяющих им быть полноценными членами общества; процесс приобщения молодежи ко всем сферам жизни и общества на основе их оценки через призму добра и зла.

В связи с трансформацией обществ этот процесс приобретает новые черты, в том числе в рамках глобализации социокультурного пространства. Существенно возрастают непредопределенность и непредсказуемость результатов нравственной социализации молодежи как для отдельного человека, так и в целом для общества. Стремясь приспособиться к меняющимся условиям, молодые люди вынуждены искать способы, позволяющие рационализировать реальность и процесс социализации в ней. Важно учитывать, что идет процесс формирования новой системы ценностей, отражающей специфику современного трансформирующегося общества. Отношение ко многим явлениям (харассмент, однополые браки, чайлдфри, феминизм и т.п.) находится в российском обществе в стадии формирования. Все это обуславливает особенности нравственной социализации молодежи.

Катерный И.В. Сегодня мы являемся свидетелями процесса активной постгуманизации онтологических и аксиологических оснований социальных практик. Трансформации подвергается концепция человека как такового. Благодаря кардинальному развитию технологий в рамках так называемой NBIC-конвергенции, сопровождающейся гуманистической либерализацией, мы наблюдаем зарождение нового человечества, а точнее – постчеловечества, которое характеризуется выходом за онтологические ограничения и символические границы концепции человека, инвестируя в социальное пространство новые «жизненные формы» вне таких бинарных различий, как «человек-животное», «человек-машина», «человек-не человек», тем самым деконструируя и более фундаментальные категориальные дихотомии «жизнь-смерть», «органическое-синтетическое», «естественное-искусственное». Уже можно выделить такие виды постчеловека, как гендерно переписанные люди (трансгендеры), гено-модифицированные люди (с помощью генной терапии и генной инженерии), корпорально-дополненные люди (киборги), ЭКО-люди (зачатые *in vitro*), дегеронтизированные люди (прошедшие клеточное омоложение), сублюди (эмбрионы и живые человеческие ткани), криолюди (замороженные сразу после смерти), цифровые люди (аватары в виртуальных 3D-мирах), а также постживотные (имеющие одинаковый юридический статус с человеком). Социальное признание этих новых представителей постчеловечества требует переформулирования всех нормативных режимов регламентирующих систем и переизобретения сферы блага в целом, так как каждый из перечисленных видов представляет собой новый моральный и правовой субъект, претендующий как минимум на равное положение среди конвенционального человечества. В связи с этим можно выделить несколько блоков проблем, возникающих в рамках постчеловеческой морали: (пост)человеческого достоинства, моральной зоосолидарности, морального биоусиления.

Проблема человеческого достоинства наиболее остро заявила о себе в начале 2000-х гг., когда технологии генной инженерии подтвердили возможности клонирования любых живых организмов. В 2005 г. ООН приняла специальную Декларацию о человеческом клонировании, запретив все формы продуцирования таких клонов, поскольку они несовместимы с идеей человеческого достоинства и защиты человеческой жизни. Потенциально гуляющие по улицам клоны пугают и простых обывателей: по имеющимся данным опросов общественного мнения в западных странах, подавляющее большинство людей согласно с мнением, что клонирование нарушает естественный порядок вещей и морально неприемлемо, особенно если это касается человека. После того, как в 2018 г. в Китае родились дети с отредактированным геномом, этот эксперимент также был признан научным сообществом неэтичным, а китайское правительство запретило дальнейшую работу в этом направлении. Однако сама просветительская идея человеческого достоинства, требующая отношения к человеку (и только человеку) как к личности, а не вещи, уже не столь однозначна, как раньше, и испытывает нормогенез со стороны пренатальной юстиции и биоэтики, требующих расширения понятия человеческого. «Естественные» права эмбрионов как будущих граждан уже признаются в ряде стран не только морально обоснованными, но и юридически полноценными. Последние дебаты (2020 г.) в Польше по поводу отмены права женщин на аборт вызваны как раз официальной поддержкой ценностей движения «пролайф», отстаивающего право (любого) зародыша на жизнь и рождение. И это идет вразрез с мнением большинства граждан Европы и США о праве любой женщины на аборт (по данным опроса Pew Research Center). Подобное столкновение традиционной либеральной морали и постчеловеческой биоморали в отличие от клонирования пока находится далеко от компромисса.

Императив постчеловеческого достоинства также применяется к замороженным в рамках технологии ЭКО (неиспользованным) эмбрионам, которые в будущем могут быть разморожены и выношены даже собственными сестрами из того же эмбрионального пула. С момента появления технологии в 1984 г. случаев вынашивания размороженных эмбрионов существует уже множество.

Другой уникальный случай с живыми клетками умершей в начале 1950-х гг. Г. Лакс сегодня уже проходит этап юридической квалификации. В 2018 г. родственники Г. Лакс решили отстоять в суде свои права на «опекунство» этих клеток, чтобы в том числе получить материальную компенсацию от медицинских организаций, до сих пор использующих этот биоматериал. Адвокат, защищающая интересы семьи Лакс, так выражает свою позицию: «Я могу подойти к этому делу, доказывая, что Генриетта Лакс – это человек, который продолжает жить своими клетками, или что клетки Генриетты сами являются Генриеттой Лакс и при этом она все еще жива». Подобный казус хорошо иллюстрирует, на мой взгляд, ситуацию аскриптивной неопределенности статуса самого человека как носителя моральных качеств.

Однако наиболее продвинутые случаи морального и юридического закрепления постчеловеческого достоинства относятся к сфере зоозащиты. С одной стороны, клонирование домашних животных поставлено на поток в Южной Корее, Китае и США, и моральной проблемы это не составляет, но животные, приближающиеся по уровню когнитивного развития к человеку, оказываются наделенными моральными качествами. В 2008 г. Испания впервые уравнила отдельным законом права человека и человекообразных обезьян на жизнь, свободу и защиту от жестокости, а Индия в 2013 г. стала первой страной, признавшей права дельфинов. Теперь их следует рассматривать как «личности нечеловеческой природы» с предоставлением им права считаться индивидуумами.

Вместе с тем подобное расширение морального сообщества ведет к появлению определенных требований к самому человеку, а именно: к развитию его способности к зоосолидарности. Греческое понятие «зое» (жизнь), заимствованное в постгуманизме из философии Ж. Агамбена для обозначения живой материи и всех живых существ, в неовиталистском духе противопоставляется «bios», т.е. антропоцентрической социальной

сфере, при этом сильно стратифицированной в виде дискриминирующих практик биополитики западного общества по отношению к незападным цивилизациям, другим видам и природе в целом. Зоосолидарность эксплицируется как моральная и онтологическая децентрация человека, прежде всего западного, в универсуме зоожизни. С этой «зоологической» точки зрения моральная ситуация современного мира такова, что существующая биополитика западных стран спасает от смерти одних ради процветания других. Дж. Халберстам называет спасенных «зомби» и относит к ним и бедных, и беженцев, и заключенных, и африканцев, и животных. «Зомби» даровано право на жизнь, но не более того, потому что «спасителям», т.е. среднему и высшему классу западных стран, нужно продолжать поддерживать высокий уровень своего жизненного комфорта с органической едой и зелеными домами и осознавать при этом свою гуманность. Этот «зомби-гуманизм» можно преодолеть, только отказавшись от собственного привилегированного положения в структуре зоосолидарности. Проявлением такого подхода в постгуманизме является тентакулярное мышление Д. Харауэй, теория Гая Дж. Лавлока, глубинная экология А. Нейса, движение «ярко-зеленых» и др. В частности, провозвестник постгуманизма Д. Харауэй напоминает, что человек (homo) в переводе с латыни – это «земля» (humus), и обосновывает необходимость создания новой «гумуситарной» (а не гуманитарной) науки о жизни и ее сохранении. Частью такой науки должны стать и стратегии снижения давления экологического следа на Землю с помощью программ сокращения рождаемости, и расширения некровной родни через поощрение иммиграции (в развитые страны), усыновление и прикрепление третьего родителя. Отсюда ее лозунг: «Делайте племя, а не детей!» В то же время очевидно, что для большинства такой тип мышления и действия практически недоступен, так как моральное состояние людей на обыденном уровне признается как «моральная катастрофа» (А. Макинтайр), т.е. отсутствие легитимных универсальных представлений об идеальном человеке и конечных моральных принципах, которые лежали бы поверх культурно-центристских, ролевых и ситуативных паттернов поведения. В связи с этим неминуемый крах человечества, ведомого гуманистическим антропоцентризмом, некоторым уже представляется неизбежным. Например, создатель известной теории Гая (Геи) о Земле как о живом суперорганизме Дж. Лавлок прямо указывает, что усугубляющийся экологический кризис приведет к тому, что на Земле останется лишь горстка людей, которые начнут новую эволюцию с уровня каменного века. Так Земля очистится от своей болезни под названием «человечество». Альтернативы этому пути Лавлок не видит, так как хищническая природа человека, позволившая ему взойти на престол жизни, неизменна, и все, что можно сделать, – лишь немного замедлить это движение в пропасть. В этом отношении пандемия COVID-19 рассматривается как самоисцеление Гая.

С другой стороны, одним из возможных выходов из ситуации моральной анонии видится привлечение науки и технологии для создания в ближайшем будущем людей с «улучшенным» или «усиленным» моральным самосознанием. Эта проблема морального биоусиления активно обсуждается в кругу западных биолибералов и трансгуманистов. Позволю напомнить, что сам по себе трансгуманизм представляет собой сегодня, пожалуй, самое могущественное социальное движение в мире, которое поддерживает разработки во всех областях передовых технологий, направленных на кардинальное улучшение человеческой природы, чтобы уже в ближайшем будущем люди могли иметь неограниченное здоровье, более высокие интеллектуальные возможности, а также новые органы чувств и контроль над эмоциями. Участниками движения являются десятки учебных и исследовательских институтов, лабораторий, ассоциаций ученых, а также такие корпоративные акторы, как НАСА и «Гугл». В ближайшее десятилетия предполагаются прорывные решения в области долголетия, генной терапии и инженерии, оцифровки сознания, киборгизации (в том числе чипирования) и искусственного интеллекта. Однако уже сейчас мы должны решать более актуальные и при этом высокорисковые проблемы, включая изменение климата и распространение оружия массового поражения. Но тот же парадокс Гидденса, указывающий на неизменное дисконтирование будущего, происходящее

в человеческом сознании при решении экологических задач, говорит о моральном бессилиии человечества делать что-либо кардинальное в этом направлении. И моральное биоусиление может как раз стать ключом к выживанию (пост)человечества. Хотя трансгуманисты подчеркивают, что их подход питает свои корни в классическом просветительском рационализме и гуманизме, их представление о нравственном совершенствовании радикально отличается от традиционного. Трансгуманистский идеал человека связан не столько с воспитанием определенного типа личности, но прежде всего с правильной, усовершенствованной, биологией человека. Считается, в частности, что аморальное поведение может являться вопросом анатомии (например, повреждение префронтальной коры головного мозга), гормонального баланса (например, недостатка окситоцина) и генетики (например, отклонения от нормы моноаминоксидазы А в митохондриях). Натурализация морали не является новым явлением в философии и науке, однако генетика, нейронаука и социальная психология дали новый импульс дебатам о моральном совершенствовании человека. Исследования в этой области активно ведутся, и если наука сможет объяснить, где и как человеком принимаются моральные решения, мы могли бы напрямую влиять на наше поведение. Таким образом, считается, что фармацевтика, нейронные имплантаты и даже природные механизмы, такие как генетический отбор, должны завершать традиционное нравственное воспитание посредством направленного морального биоусиления. В основе такого подхода лежит стойкое убеждение, что нынешние проблемы человечества настолько серьезные, что настоятельно требуется, чтобы ученые исследовали все возможности разработки эффективных средств морального биоусиления. Биология и психология человека просто не приспособлены для того, чтобы справиться со всеми глобальными вызовами XXI в. Хотя сами трансгуманисты (Н. Бостром и др.) отрицают, что глубокое улучшение людей аморально по своей сути, как это было с евгеническими опытами в прошлом, тем не менее возможность создания моральной «пилюли» даже многими биолибералами ставится под сомнение, тем более такие исследования и разработки не отвечают на главные этические вопросы: «что есть мораль?», «как совместить технологию и моральную свободу?», «кто решает, достаточно ли я (уже) морален или нет?», «как жить обычным людям среди физически, когнитивно и, возможно, морально усовершенствованных людей?». Последние вопросы указывают на озабоченность, связанную с самим биосовершенствованием человека: насколько морально такое улучшение? Если цель – достичь более высокого уровня, будет ли это оправдывать и более высокий социальный статус постлюдей и гарантировать им больше социальных прав по сравнению с людьми без всякого улучшения? Такой вывод напоминает опасения биоконсерваторов, что в случае развития биотехнологий и появления высших существ мы должны беспокоиться о сопутствующих политических последствиях, связанных с делегитимацией идеи природного равенства людей как основы демократии, и опасаться, что если мы действительно сможем вывести новую породу людей, то вернемся к временам, когда, как писал Т. Джефферсон, в ходу было убеждение, что одни по праву рождения могут носить сапоги и шпоры, а другие – лишь седла на спинах. Большинство трансгуманистов, ратующих за максимально возможную биотрансформацию человека, отвергают этот вывод. Н. Бостром и такие биолибералы, как Дж. Харрис, утверждают, что никакое улучшение, каким бы резким оно ни было, не подразумевает меньшего (или большего) морального, политического или этического статуса или ценности. Тем не менее перспектива появления новых элит с социологической точки зрения вполне обоснована. Биотехнологический капитал будет приобретать все большее значение в обществе, озабоченном проблемами здоровья, долголетия и интеллектуального развития. Пример с цифровым неравенством, возникшим в рамках новой социотехнологической стратификации, – тому подтверждение. Вмешательство же в природу самого человека делает будущее неравенство уже не «достижимым» статусом, а сугубо аскриптивным стратификационным капиталом, т.е. создает новую структуру кастоподобной иерархии. Неслучайно еще в начале 2000-х гг. Ф. Фукуяма поставил под сомнение выживание человечества в будущем из-за

непредсказуемых последствий применения генной инженерии и биотехнологий, объявив трансгуманизм «самой опасной идеей на свете».

На этих трех примерах я хотел показать фронтальный сдвиг человеческой морали в сторону артикулирования постчеловеческой чувствительности и новых порядков обоснования морального статуса самого человека. Постмодернистский «конец человека» оборачивается полиморфным рождением новых субъектов и объектов морали. С этой точки зрения выживание именно естественного человека в будущем больше не является единственной нормативной целью в постгуманизированной реальности, что возвращает нас к досократическим гилозоистическим представлениям о мире, где человек не был центром вселенной. Моральная дилемма человечества в свете технологической постгуманизации выглядит так: либо усиление власти человека над природой ради изменения биологической природы самого человека, либо самозамещение более продвинутыми искусственными созданиями, претендующими на роль новых социальных гегемонов. Пока обе тенденции только набирают оборот, но уже сейчас мы видим, что радикальный нормативный морфогенез в области человеческой морали сдерживается ригидными морфотаксическими структурами накопленного культурного опыта развития гуманизма. «Негативная этика» в терминологии А.А. Гусейнова, требующая легитимации моральных запретов как источника коммуникативной солидарности, в этом отношении выступает как раз реальным инструментом противостояния некоторым дегуманизирующим тенденциям, угрожающим самоценности человека со стороны технологий. Вызовы антигуманизма помимо клонирования уже сейчас воплощаются в распространении «некрополитики», которая выражается, в частности, в бюджетировании новых военных разработок в области высокотехнологичных и все более автономных (от человека) средств уничтожения людей. Поэтому справиться с тем, что я называю эффектом Франкенштейна, в постгуманизированном обществе можно только, создавая широкие коалиции хорошо информированных граждан (говоря словами А. Шюца), способных ставить под общественный контроль источники (потенциально) разрушительной власти-знания и предлагать решения на основе фронезиса, т.е. практической мудрости. Парадокс в том, что если человек в условиях морального хаоса и высоких технологий откажется от своих прав на существование как моральное существо, судьба не только человечества, но и всего живого окажется обреченной.

Какие новые проблемы морали обострились сегодня во всем мире и в российском обществе?

Перов В.Ю. Одной из существенных (в смысле тревожных и опасных) можно считать совокупность проблем справедливости в контексте неравномерного технологического (следовательно, экономического, социального, политического, культурного и т.д.) развития, которое воплощается и в упомянутом «цифровом разрыве». При этом важно отметить, что это несправедливое неравенство может быть как реальным, так и существующим в общественном или индивидуальном сознании. Последнее во многом обусловлено быстротой происходящих технологических и связанных с развитием технологий социальных изменений, что вызывает как мнимые, так и обоснованные страхи. Это находит отражение и в морально-ценностных представлениях, что особенно ярко проявляется в усилении противостояния между консервативными и традиционалистскими идеологиями, с одной стороны, и «прогрессистами», в рядах которых даже формируется то, что получило название «новая этика», – с другой. При этом в обоих случаях можно наблюдать моральные крайности (что является пороками, согласно Аристотелю). Так, консервативные тенденции зачастую апеллируют к ценностям именно традиционного, доиндустриального, общества, создавая опасность религиозного фундаментализма, в то время как «прогрессисты» в стремлении утвердить ценности «новой этики» требуют не только кардинальной «переоценки ценностей», но и низвержения всего исторического нравственного опыта.

Черныш М.Ф. В современном мире, на фоне увеличения неравенства, обострилась проблема цинизма. Его Слотердаjk отождествляет с дерзостью, равнодушным отношением к общественному суждению и осуждению. Он иллюстрирует свой взгляд примером

Диогена, игнорировавшего любые публичные оценки, дерзавшего не только рядовым согражданам, но и Александру, великому полководцу. Однако в наше время презрение и дерзость по отношению к обществу, установленным им нормам – не единственные признаки циничного поведения. Диоген, отвергая моральные ограничения, налагаемые обществом, искал человека, мечтал отыскать за пологом общественной рутины то истинное, что составляет суть человечности. Его позиция – это своего рода акционизм, призванный обострить внимание сограждан к тому, как они живут, какие смыслы над ними довлеют. Иное дело – современный цинизм, получивший распространение в постсоветских обществах. Здесь циничная позиция описывается скорее в лакановских категориях – как нарастающее противоречие между реальным и символическим. Последнее выражено в представлениях о желательном состоянии, о том, как должно жить общество, какие нормы должны регулировать поведение сограждан. Реальная жизнь складывается совсем по-другому и все дальше отходит от этих представлений. Пространство между реальным и символическим имеет свойство наполняться ложью, фейками и нередко агрессией. Так, чиновница заявляет молодым людям, что государство им ничего не должно, что наилучшее решение для них – забыть о государстве, решать свои проблемы самостоятельно. Ее поучения никак не согласованы с ее собственным поведением, потому что себя она относит к тем, кто избран для достойной, благополучной жизни, обеспечиваемой государственными ресурсами. Если мы слышим подобные либеральные речи из уст бизнесмена, сделавшего себя, добившегося всего самостоятельно, это лишь зеркальное отражение его или ее собственного опыта. Если же о вредности государственной поддержки вещает чиновник, да к тому же коррупционер, то это с очевидностью цинизм. Цинизм – это когда политик, призывающий население к патриотическому сплочению, грозно обличающий «пятую колонну», ослабляющую государство, на поверку оказывается владельцем иностранного паспорта, особняков и счетов в зарубежных банках. Современный цинизм, понимаемый как манипуляция символом, воздушным, не имеющим твердых оснований в реальном действии, рассчитан на кратковременную выгоду. В прозрачном обществе, просматриваемом через сети, детализация реального лишь вопрос времени, но когда это случается, рушится доверие, «склеивающее» общество поверх социальных и прочих различий. Сплоченность, общие ценности становятся невозможными. Манипулятивная конструкция «Я» и «Оно» превращается в твердую позицию «мы и они».

Кирилина Т.Ю. Думаю, что одной из наиболее серьезных нравственных проблем в современном обществе является проблема межпоколенной передачи духовно-нравственных ценностей. В последнее время взаимодействие поколений чаще всего привлекает внимание исследователей в аспекте конфликта, «разрыва», нежели с точки зрения преемственности, которая при смене поколений обеспечивает трансляцию опыта, культуры, ценностей и ценностных установок и является составляющей естественного механизма эволюции социума. Конфликт поколений усиливается из-за того, что, во-первых, понизился статус пожилых людей в обществе; во-вторых, опыт, накопленный ими, обесценивается и становится мало полезным для молодежи, в-третьих, из-за разных источников информации (для старшего поколения – беби-бумеров – важнейшим остается телевидение, для поколения Y и Z – Интернет). Это формирует различное восприятие действительности. Важно учитывать, что основной «разрыв» поколений возникает не между детьми (поколения Y + Z) и родителями (поколение X), а между поколениями детей и родителей (поколения X, Y и Z), с одной стороны, и поколением дедушек и бабушек («молчаливое поколение» и поколение беби-бумеров) – с другой. Межпоколенная трансляция духовно-нравственных ценностей подразумевает встречные информационные потоки как от старших поколений к младшим, так и наоборот, т.е. восприятие молодежью современной ситуации и культурного наследия оказывает влияние на старшее поколение. Сегодня этот процесс носит билатеральный характер, так как каждое поколение является одновременно как субъектом этого процесса, так и его объектом.

Какие нравственные проблемы особенно волнуют вас как ученого?

Черныш М.Ф. Все исследования говорят о том, что мы живем в обществе всеобщего недоверия. Оно царит на всех уровнях общественной жизни – от микро- до макроуровня. Фукуяма рассматривал доверие как важнейший фактор национальной состоятельности. В наиболее успешных обществах радиус доверия имеет наибольшую протяженность. Граждане доверяют друг другу, доверяют работодателю, доверяют государству и тем лицам, которые избраны ими для того, чтобы определять политический и экономический курс. В Китае, согласно исследованиям, цитируемым Фукуямой, радиус меньше, но все же достаточно широк – родственники, друзья, соседи, местные сообщества. В российском обществе доверяют самым близким, но подозрительно относятся ко всем, кто находится за пределами этого круга. Очень низок уровень доверия к потенциальным и реальным выразителям интересов большинства: политическим партиям и общественным организациям, гражданскому обществу. Не доверяют россияне и тем, кто, по идее, защищает их права, – судам, прокуратуре, правоохранительным органам. Объяснить этот феномен какой-то одной причиной невозможно. Здесь и уже упоминавшийся исторический, советский опыт, и травма 1990-х, когда доверительное поведение и поддержка населения были явным образом использованы в борьбе за власть, но лишь для того, чтобы затем «пиратизировать» госсобственность в интересах небольшой группы бенефициаров, и политические манипуляции последних десятилетий, когда многочисленные обещания процветания так и остались на бумаге, и масштабная коррупция, подменяющая норму формальную «понятиями». *Aditum nocendi perfido praestat fides* – доверие, оказываемое вероломному, дает ему возможность вредить дальше. Недоверие оказывается в этих обстоятельствах единственной позицией, имеющей обоснование в жизненных практиках, но она не создает стимулов для роста и не способствует субъективным ощущениям благополучия. Она по сути имеет запретительный характер по отношению к любым попыткам представить себе будущее, оставляя без ответа важнейшие вопросы. Каким будет завтрашний день? Что ждет детей?

Соколов В.М. Основным условием эффективного государственного управления страной является нравственное одобрение населением господствующей власти. Чем более положительно оценивает народ эту власть, тем более сложные и трудные задачи она может решать. Нравственные отношения «народ и власть» – основная проблема и современного общества, и его исследователей. Субъектами нравственной культуры являются господствующая властная элита и институты гражданского общества. Важнейшей задачей социологии морали является исследование направленности и эффективности их деятельности в сфере морали. В наибольшей мере меня как социолога, помимо перечисленных выше, волнуют проблемы: а) замены духовных ценностей ценностями потребления; б) неумения и нежелания властей учитывать ментальность народа и его нравственное настроение.

Кто определяет моральное лицо современного общества? Кто выражает моральные нормы? Есть ли субъект нравственной культуры?

Черныш М.Ф. Маркс говорил, что «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями». В «Манифесте коммунистической партии» он переходит на язык морального обличения правящих классов. Правящий класс, устанавливая полный контроль над ресурсами духовного производства, получает в распоряжение инструменты, позволяющие формировать моральный климат эпохи. Т. Веблен, следуя логике марксистской доктрины, предложил любопытную модель формирования элитами моделей поведения, получающего распространение в обществе. Правящий класс, движимый стремлением отличаться от менее благополучных слоев, конструирует культурные образцы поведения от противного: если низшие классы для того, чтобы выживать, обязаны трудиться, то высший класс выбирает праздность и престижное потребление. Однако продукты, которые однажды были роскошью, в какой-то момент становятся доступными для массового потребления, а это означает, что элитам приходится искать новые культурные образцы, подтверждающие их уникальный статус. В современном обществе

динамика процесса выглядит несколько иначе: с точки зрения обывателей, элиты, живущие в замках, ревниво беспокоящиеся о том, как бы не уступить друг другу в роскоши и размерах яхт, находятся со всех точек зрения в иной вселенной. Рождаемые ими культурные образцы культурной безвкусицы, бездумной траты огромных денег, имеющих нередко сомнительное происхождение, не могут быть привлекательными даже для тех, кого принято относить к состоятельным слоям населения. Элиты, потерявшие авторитет, отодвигаются в сторону, а вместо них линию культурного производства, в том числе ценностей и средств их достижения, перехватывает высший и средние слои так называемого среднего класса. По сути, повторяется процесс, который в свое время Н. Элиас охарактеризовал как «цивилизационный». Высший слой среднего класса задает тон в моральном дискурсе, в полемике о «подлинных» и «неподлинных» ценностях.

Возникает закономерный вопрос: каковы ценности той группы, о которой идет речь? В российском обществе это ценности индивидуального самоутверждения, свободы, космополитизма, материального благополучия, здорового образа жизни. Отношение к государству у этой группы амбивалентное: с одной стороны, она признает его необходимость и центральную роль в распределительных отношениях, с другой – настаивает на необходимости ограничить его попытки влиять на моральные нормы, регулировать поведение граждан. Средний класс, включая его высшие слои, критически относится к тому, как распоряжается ресурсами государства властвующая элита. Именно высший слой среднего класса занимается конструированием контргегемонического проекта, снижающего эффективность реализуемого государством проекта консолидации общества на платформе так называемых традиционных ценностей. Эта группа играет роль «публики», противопоставляющей свое мировоззрение, с одной стороны, российской знати, а с другой – народной массе. Разными путями в разных странах, но высший слой среднего класса, включающий в себя не только успешных предпринимателей и управленцев, но и чиновников, осознающих необходимость поставить страну на путь развития, перехватывает инициативу и окончательно выдавливает слабеющую, коррумпированную элиту из области производства моральных норм.

Эти нормы морали отождествляются остальным населением с траекторией жизненного успеха, самореализации. Происходит «протекание» (trickle down) упомянутых ценностей к более низким по статусу слоям населения, которые стремятся, особенно в молодой когорте, подражать образцам, ведущим к жизненному успеху. Именно этот процесс объясняет наилучшим образом то, что происходит в повседневности, – уменьшение масштабов насилия по отношению к детям, набирающие популярность образцы здорового образа жизни, парадоксальное, идущее вразрез с национальной традицией уменьшение потребления крепких спиртных напитков. На смену им приходит вино, веселящее, но сохраняющее рассудок, позволяющее поддерживать беседу. Вполне работающим можно назвать и контргегемонический проект, который рождается и подпитывается определенными группами внутри среднего класса, медленно, но верно приближает момент серьезных политических изменений в государстве.

Надо сказать, что единение среднего класса происходит крайне редко. Х. Балзер, изучавший российский средний класс до революции, отметил, что такое произошло только один раз, когда арестовали университетского профессора за то, что он имел неосторожность выразить свою идейную позицию в тот момент, когда власть занималась подавлением революции 1905 года. Демарш «профессионалов» – врачей, юристов, инженеров – был услышан властями: решение об аресте было пересмотрено. Современный российский средний класс не менее разнолик, чем в царской России, но в условиях проницаемости общества, мгновенной достижимости всех и каждого, проект, о котором шла речь, может выдвигаться относительно немногочисленной группой, которая получает молчаливую, но от этого не менее эффективную поддержку большинства той группы, к которой принадлежат.

Перов В.Ю. Следует учитывать некоторые теоретические положения в отношении природы нравственности. Кратко речь идет: а) об неинституциональном характере нравственности (нет социального института, который отвечает за всю нравственность, при этом

все социальные институты влияют на ее формирование и поддержание); б) нравственность – это «охватывающее» понятие, такое же, как общество, культура и т.д. Поэтому нет нравственности «вообще» (кроме как понятия), она всегда субъектна, то есть чья-то. В связи с этим поставленный вопрос можно переформулировать таким образом: есть ли какие-то особенности социальных субъектов, чья нравственность доминирует или претендует на доминирующее положение в современном обществе? Отвечая на него, следует отметить, что наряду с существующими в качестве субъектов нравственной культуры институтами и социальными группами (государство, церковь, семья, образование, возрастные, национальные, профессиональные группы, корпоративные структуры и т.д.), чье влияние на моральное лицо современного общества нельзя игнорировать, все большую силу набирает такой анонимный и аморфный «цифровой субъект». Речь идет об интернете, социальных сетях, мессенджерах, блогах, новых медиа и т.д., социальная активность в которых существенно определяет современное общественное, в том числе и моральное, сознание. В действиях этого деперсонифицированного «цифрового субъекта», который во многом зависит от плохо контролируемой работы компьютерных алгоритмов, существует огромное количество этически негативных явлений (постправда, фейки, «пузыри фильтров», буллинг, нарушение приватности и т.д.). Перечисленное требует изучения и нормативного регулирования (юридического и этического). Большую роль здесь могут сыграть профессиональные этические кодексы не только для регулирования работы создателей цифровой реальности, но и определения моральных норм и ценностей профессиональной этики тех, на кого может распространяться ее влияние. Так, в отношении упомянутого понятия *integrity* существуют проблемы нарушения приватности, чему способствует доступность личной информации в сети интернет, что приводит к неоправданному смешению частной и профессиональной жизни. В результате личное поведение в цифровой реальности оказывается фактором оценки профессиональной деятельности, что далеко не всегда этически обосновано. Возникающие моральные проблемы требуют нормативного регулирования, зафиксированного в этических кодексах, особенно в плане профессиональной этической защиты от морально негативных явлений, которые свойственны активности деперсонифицированного «цифрового субъекта».

С какими проблемами этики, морали, нравственности сталкиваются ученые?

Перов В.Ю. Социологи сталкиваются с теми же этическими проблемами, которые присутствуют в любой современной научной деятельности. Это этические проблемы проектно-грантового финансирования, требований коммерческой востребованности результатов, особенностей наукометрических критериев оценки научной деятельности, встречающейся диктатуры издателей и редколлегий научных журналов и т.д. Если же речь идет именно о специфических проблемах социологических исследований, то стоит упомянуть этические особенности работы с данными в цифровом обществе. Развитие цифровых технологий привело к тому, что в настоящее время государственные и коммерческие структуры накапливают гигантские массивы данных (*big data*). Цели их сбора различны: общественная безопасность, государственный контроль (например, «социальный рейтинг» в Китае), банковский скоринг, маркетинговые исследования и т.д. Проблема в том, что большинство этих данных являются социологически значимыми, то есть могут быть положены в основу очень перспективных научных социологических исследований, примеры чему уже можно наблюдать. Большинство возникающих в этом контексте этических проблем связано с тем, что сбор, анализ и использование этих данных в государственных и коммерческих целях в ряде аспектов не соответствуют этическим нормам социологических исследований (в частности, требованиям информированного согласия). Это означает, что возникающие в этих контекстах моральные проблемы и способы их разрешения должны найти отражение в профессиональных этических кодексах. Это уже происходит. В частности, некоторые нормы, регулирующие этику социологов в маркетинговых исследованиях при помощи цифровых технологий, можно найти в «Международном руководстве по проведению мобильных исследований» (2017), которое было разработано совместно ESOMAR

(Европейское общество по изучению общественного мнения и маркетинговым исследованиям) и GRBN (Глобальная сеть исследовательских ассоциаций). Проблема в том, что, во-первых, сформулированные в этом и аналогичных документах этические нормы касаются решения только некоторых моральных проблем, во-вторых, даже они пока еще мало известны в профессиональном социологическом сообществе и не стали в полном смысле нормами профессиональной этики.

Черныш М.Ф. Современная социология находится в постоянном поиске выхода из той сложной ситуации, в которую поставили ее обстоятельства. Ч. Тилли полагает, что кризису в социологии, включающему в себя обострение полемики о ее возможностях и предназначении, немало поспособствовали постмодернистские течения 1980–1990-х гг. Сейчас это пагубное влияние преодолевается, но медленно, с эпизодическими откатами назад. Первый и главный вопрос, который активно обсуждался в последние десять лет, касался проблемы соотношения сегментов внутри поля социологии. Что важнее науке в наше время: придерживаться строгой академической позиции или находиться в гуще событий, участвовать в них и как наблюдатель, и как деятельный субъект? Эту дискуссию развернул М. Буравой, чья статья, посвященная публичной социологии, вызвала большой резонанс. Буравой по сути призвал к отказу от сложившейся в социологии традиции отстраненности от наблюдаемых событий. Социология научилась избегать прямых конфронтаций, придерживаясь при этом обоснованных, зачастую критических позиций.

Вторая проблема тоже касается отношений между социологией и государственными управленческими структурами. Ошибался тот, кто считал, что победа неолиберализма в сфере управления приведет к уменьшению контроля над учеными, развяжет им, наконец, руки. То, что мы видим сейчас, ту степень бюрократизации в управлении наукой можно в полной мере считать беспрецедентной. В отношении к науке победила логика «счетовода» – только так можно добиться повышения эффективности. В результате установили правила, по которым всем, включая обществоведов, надо публиковаться в изданиях, имеющих зарубежную индексацию. Забыли, что в системе WoS, рассчитанной на естественные науки, вообще отсутствует квартильная категоризация для общественных наук. Непреднамеренные последствия подобного отношения к науке превзошли все ожидания: приспособившись к новым требованиям, ученые начали искать способы получить нужные показатели. Многие сочли возможным отодвинуть на задний план содержание, выбрав в качестве приоритета количество и заданные сверху цифры. Мне известны ученые, которые ухитрились опубликовать за один год 29 статей в журналах WoS, «мусорных», конечно. Кто-то скажет, что это циничное отношение к науке, ее выхолащивание, иные, возможно, пожмут плечами, сказав «с волками жить, по-волчьи выть». Как это влияет на состояние науки? На отношение к ней молодых ученых? Возможно, большинство все-таки предпочтет принцип честной науки и будет публиковать по две статьи в год, пожертвовав какой-то частью заработка. Но в целом моральный порядок, встроенный в само основание науки, ее изначальная ориентация на поиск истины пострадают. На мой взгляд, в повестке дня эти вопросы важнее, чем проблемы технического характера. Опыт показывает, что ни одна из возникающих в исследовательских практиках методических проблем не имеет статуса непреодолимой. Все, что может угрожать самому ее существованию, находится за рамками методического и методологического дискурса, в тех областях, где наука входит в соприкосновение с обществом и государством.

Семенов Е.В. Для научного познания принципиально важны прежде всего ценности и мировоззрение, детерминирующие и лимитирующие развитие науки не меньше, чем материальные ресурсы. В современном мире ценности науки и научное мировоззрение буквально атакуются релятивизмом, претендующим на статус «новой нормальности». Релятивизм ставит под сомнение существование науки как таковой, поскольку обесценивает объективную истину.

На истине как высшей ценности научного познания основываются стремление к получению объективного и достоверного знания, а также идеалы и нормы научного познания,

в свою очередь влияющие на его цели, предмет и методы. Система идеалов и норм научного познания регулирует его технологическую и социальную стороны, т.е. непосредственно процесс познания и социальное взаимодействие субъектов научного познания между собой и с обществом. Так, на уровне регуляции процесса познания познавательные установки (идеалы и нормы) распространяются на процедуры описания и объяснения, обоснования и доказательства, построения и организации знания, схемы объекта исследования и законы, т.е. научную теорию. Релятивизм, абсолютизирующий относительность истины, фактически уравнивает знание и мнение, тем самым обесмысливая истину и разрушая всю основанную на ней конструкцию научного познания. Идеалы и нормы могут успешно функционировать лишь в условиях, когда субъекты научной деятельности внутренне привержены им, когда у них сформирована внутренняя потребность стремиться к этим идеалам и придерживаться этих норм. Такое возможно лишь в специфической ценностной среде научного сообщества.

Релятивизм представляет реальную опасность для науки. Его вкрадчивая толерантность в духе «я терпимо отношусь к вашей точке зрения, что $2 + 2 = 4$, но сам-то считаю, что $2 + 2 = 7$ », возродила и по статусу уравнивала с наукой самый примитивный обскурантизм и невежество. И Земля вновь стала плоской, и Освенцим освободили американцы. Истину, если она не более, чем мнение, можно просто «назначить». Релятивизм отрицает объективность пространства и времени. Время предстает простой условностью. Можно «отменить» времена года, например устроить в жаркий июльский день зиму, создав искусственный заснеженный склон, и покататься на горных лыжах. Можно «отменить» возраст с помощью медицинских и косметических технологий. Можно «отменить» время как процесс, т.е. как единство прошлого, настоящего и будущего, – это уже сделано на всех электронных часах, показывающих только самое коротенькое настоящее. Точно так же «отменяются» различия полов и связанные с ними социальные функции женщины и мужчины. В такой «новой нормальности» нет места объективной истине, а вместе с этим и науке.

Однако в объективном мире с его законами может не оказаться места самому обществу, переставшему понимать объективность законов бытия. Говоря языком С. Лема, социум, положившийся на условные правила игры, заданные ложной культурой, неминуемо будет отбракован объективными правилами игры природы. Такое общество своей претенциозностью обязательно насмешит не только бога, но даже какой-нибудь очередной вирус.

Наука, затравленно отбивающаяся от лженауки, мистики и окривевшего на оба глаза ясновидения, полагаю, должна осознать свою великую миссию и взяться за огромную созидательную работу по формированию у всех способных мыслить современного научного мировоззрения через просвещение и образование, через СМИ и Интернет. От ученого во все времена требовалась способность на поступок. В этом отношении ничего не изменилось. Современный обскурантизм не страшнее средневекового, релятивизм не сильнее догматизма, и для их преодоления требуется не больше мужества, чем во времена инквизиции или тоталитаризма.